

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Натальи Бульбы
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ОХОТНИКИ ЗА ДИКОВИНКАМИ
ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. ВОПЛОЩЕННЫЕ**

Цикл
«ПОКЕР ДЛЯ ДАЙМОНОВ»

**ЛОВУШКА ДЛЯ ТЕМНОГО ЭЛЬФА
ОТКРЫТА ВАКАНСИЯ ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ
ПРОГУЛКА В БЕЗДНУ
ВТОРЖЕНИЕ**

Дилогия
«ВЗЯТЬ РЕВАНШ»

**ПОСТАВИТЬ МИР НА КОН
И ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО НАДЕЖДА...**

Наталья БУЛЬБА

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН.
ВОПЛОЩЕННЫЕ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б90

Серия основана в 2004 году
Выпуск 400

Художник
В. Федоров

Бульба Н. В.

Б90   Время перемен. Воплощенные: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1109-2

Свобода и дух стихии вместо души для одних, боль и ненависть проклятия — для других. Когда-то они были одной расой, но воля нимеры — той, что имеет право на последнее слово, сделала их непримиримыми врагами.

Она была рождена, чтобы указывать кланам правильный путь. Но несправедливое обвинение сделало ее изгнанницей, открыв двери в чужой мир.

Ей предстоит вернуться, чтобы исправить совершенные другими ошибки. Она соединит разорванные нити, вернув воплощенным веру, а проклятым — надежду. Но чем станут они для будущего, не ведает никто. Потому что вместе с ней в этот мир пришло новое время — Время перемен.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1109-2

© Бульба Н. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

И пусть я за выбор сполна заплачу,
Мне нужно, какие б ни дули ветра,
Любить, а не верить в иллюзию чувств,
И жить так, чтоб было за что умирать.

Наталья Фейгина

ПРОЛОГ

Талина

Я не торопилась обернуться. Если они покинули свой мир и пришли сюда, то лишь затем, чтобы поставить точку в истории моей жизни.

Рано или поздно, но это должно было случиться. Они и так дали мне лишних двадцать лет жизни.

Темная вода билась о каменную набережную, разноцветные огни фонарей отражались в ней, лишая мрачного флера безысходности.

Вдох мне самой показался тяжелым, но... он был последним. Тянуть дольше — показать им свой страх.

— Князь Эриар! — Я развернулась резко, не давая себе шанса передумать.

И не оставив возможности скрыть удивление.

Он поприветствовал первым. Глубокий поклон, наполненный изяществом придворного щеголя, но не скрывающий опасности, исходящей от первого князя клана Дираков — трехипостасных воплощенных.

Невозможное, невообразимое зрелище!

Полный парадный костюм: чернь и серебро. Дираки никогда не считали золото благородным металлом. Черные брюки с серебряными лампасами заправлены в высокие сапоги, прямой черный килор с вышитым на плече знаком экси, олицетворяющим путь славы и доблести, стянут перевязью на талии. Два кинжала — символ официальной миссии.

Крупные, темные, как безлунная ночь, бриллианты в ушах, пепельные волосы стянуты в хвост узким ремнем. Лицо пересекает тонкая нить шрама — свидетельство нашей с ним последней встречи. Мой удар он тогда пропустил. Или... Я много лет задавала себе этот вопрос, не веря, что он

мог сделать это намеренно, но вновь и вновь видя в воспоминаниях, как он чуть отводит руку, позволяя себя ранить.

Словно умоляя простить...

Трое сопровождающих его князей выдержали секундную паузу и повторили за ним поклон. Он — старший, говорить будет он.

Тогда тоже говорил он. И сколько бы ни прошло лет, я помню каждое сказанное им слово. И кинжал несправедливых обвинений вновь вонзается мне в сердце. И я снова снимаю с пальца перстень с белоснежным камнем, символом чистоты и непредвзятости той, которая имеет право решать чужую судьбу. И он вновь падает к его ногам, закатившись в трещину между мраморными плитами, покрытый грязью чужого обмана.

Каждое движение этих четверых точно соответствовало ритуалу. Все выверено до мгновения, жесты четки и бесчувственны. Не нужно подбирать слова, не нужно облекать их в витиеватые фразы, достаточно лишь склониться и, выпрямившись, отступить на шаг назад, подтверждая официальность собственной миссии.

— Лери Талина. — Он выпрямился последним и, не глядя мне в глаза, медленно, давая полюбоваться своей хищной грацией, преодолел несколько метров, которые нас разделяли.

Я же радовалась тому, что вокруг царила ночь. Эти четверо совершенно не вписывались в антураж современного города этого мира.

— Изгнание показалось слишком мягким приговором, и Совет кланов решил избавиться от той, чье имя стало синонимом предательства? — За легкой язвительностью я пыталась скрыть страх, сковавший мое тело.

Я боялась. Не за себя, за своих детей.

Их отец был обычным человеком, которому удалось своей любовью вернуть к жизни мою душу. Если бы не он... Каждый мир по-своему жесток, этот исключением не был. Он сначала щедро одарил, а когда я поверила, что могу быть счастливой, отобрал все, что стало основой моей жизни. Муж погиб, когда двойняшкам, Сашке и Дашке, исполнилось три.

Несчастный случай.

Сейчас им было по пятнадцать. И за них я была готова биться до конца.

— Лери Талина, — я чувствовала, с каким трудом он заговорил, только причины этого не понимала, — Совет кланов уличил вашу сестру во лжи. Ваша честь восстановлена, ваше имя вновь внесено в хроники клана охраняющих. От имени совета я прошу вас вернуться на Лерикан и занять свое место в Круглом зале.

Это был удар, которого я никак не ожидала.

Я тяжело переживала ложные обвинения, я долго привыкала к новому миру, искала себя в нем, менялась, принимая то, что было чужим. Потом, не заметив, в какой момент это произошло, смирилась со своей судьбой и начала возрождаться, собирая себя заново. Полюбив своего будущего мужа, поняла, что способна начать все сначала, перечеркнув прошлое, забыв о нем.

Перенесла его смерть, ощущая свою вину, — я слишком поздно поняла, как многое могла ему дать и насколько скупа была.

Но оставались дети. Наши дети. Он, воплощенный в сыне и дочери.

Я вновь воскресла. Ради них. Я снова была счастлива. Просто потому, что живу, дышу, радуюсь вместе с детьми их успехам и делю их печали.

— Вы вновь получили право играть моей жизнью, князь Эриар?! — Я пыталась сдерживать бушующие эмоции, но сделать это было непросто.

Все мои беды, все изменения в моей жизни были связаны с ним. Он должен был стать моим мужем, но именно он зачитывал приговор, сделавший меня изгоем. Он должен был стать опорой в делах клана, но вместо этого сам втолкнул в открытый портал. Он должен был стать отцом наших детей, но сейчас решал судьбу только моих.

— Это не требование совета, лери Талина. — Он на мгновение опустил голову, словно стыдясь когда-то совершенного, но тут же поднял ее. Он никогда и ни перед кем не склонялся. — Это просьба. Грядет большая война...

— Это требование, князь Эриар, — горько усмехнулась я. — Не заикнись вы про большую войну, возможно, я бы и

поверила тому, что у меня есть свобода выбора. — Когда-то я его уважала, теперь... Я смотрела на него с жалостью. — Каковы условия моего возвращения?

Он прекрасно осознавал, что означало изменение моего тона. Но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он был все так же отстраненно холоден и подчеркнул вежлив.

— Полное восстановление ваших прав и признание прав наследования за вашими детьми, лери. Единственное пожелание — их полноценное обучение.

— Я не могу войти в совет. — Я, так же как и он, пыталась сохранить спокойствие. Мне это удавалось с большим трудом. Этот мир не требовал той сдержанности чувств, которой меня учили на родине. — Один раз они сделали для меня исключение, вряд ли это повторится вновь. Я не замужем. И вряд ли кто из достойных моего титула мужчин возьмет женщину с чужими детьми.

Я сказала то, что думала. Но я не догадывалась, что ошибаюсь.

— Это не совсем так, лери, — тихо произнес он и... опустился на одно колено. — Лери Талина, я, свободный князь клана Дираков, прошу чести для себя принадлежать вам духом и телом.

Дыхание перехватило, а на глазах выступили слезы.

Разве я могла предположить двадцать лет тому назад, что этот гордый и, как мне казалось, всесильный мужчина, будет просить о том, о чем в шести кланах Круга не слышали уже сотни лет.

Не мужем — консортом был готов он войти в мой дом. Не встать рядом, а быть со мной. Говорить лишь тогда, когда ему позволят высказать свое мнение.

Нет, консортами становились и раньше, но только после того, как произнесены другие клятвы. Вот тогда признанный всеми возлюбленный с полным правом посещал спальню, гордо проходя мимо мужа, который просто не мог оспорить желание женщины.

— Ваш клан...

Он не дал мне закончить. Заговорил с каким-то облегчением:

— Я свободен. Во главе клана встал мой сын, он же пове-

лел исправить содеянное. — И с легкой грустью добавил: — Лери Талина, не будьте со мной столь же жестоки, как я когда-то с вами.

Эти мгновения были странными. Я смотрела на него, смиренного, но не видела смирения в его позе. Лишь силу и доблесть, славу его имени, которые он положил к моим ногам. Видела опасение и надежду, человека, на которого могла опереться, видела сильное тело, которое могло принадлежать мне.

И от меня зависело, будет так или нет.

— А мои дети...

— Я не могу стать им отцом, но постараюсь быть наставником и другом. Я воспитал четырех сыновей, приму в свое сердце и пятого. Дочерей же у меня нет, и я буду благодарен судьбе за то, что она мне ее подарила.

Он говорил, а я верила. Верила каждому его слову, потому что он никогда не лгал. Он лишь заблуждался...

Мелькнувшее воспоминание было так некстати. Я еще не поверила, что смогу вновь начать с чистого листа, но уже ощутила, насколько этого хочу. Он же вернул мне сомнения, которые ядом проникали в душу, заставляя заново проживать каждый день с начала моего изгнания. Унижение, боль, страх, ненависть...

Ласковое: «Мамочка!», разбитые коленки, незамысловатые рисунки, нежность прикосновений детей, полуночные разговоры за чашкой чаю, первая влюбленность — тайна, в которую они меня поочередно посвящали...

— Я, лери Талина, — начала я, уже зная, что произнесу не те слова, которые он приготовился услышать, — принимаю тебя, свободного князя клана Дираков, как равного. Мужем, верным спутником и отцом для своих детей. И в том даю свое слово.

Я не знала, что будет дальше, только надеялась, что мы оба запоем этот миг.

Миг, когда я переступила через обиду от нанесенного мне когда-то оскорбления, а он поднял на меня удивленный взгляд, в котором медленно появлялась надежда.

Часть первая ВОЗВРАЩЕНИЕ

ГЛАВА 1

Талина

Замок встретил запустением и запахом гари, волнами сползавшим вниз по склону скалы.

Когда мы возвращались на Лерикан, Эриар просил нас стать гостями клана Дираков. Я отказалась. Будущее страшило, но со своими страхами я привыкла встречаться лицом к лицу...

Я попросила мужа...

Это было странно, но признать его мужем оказалось легче, чем осознать, что мне придется вычеркнуть из жизни те двадцать лет, когда не я садилась во главе круглого стола, не я произносила: «Да будет так», оставляя за собой последнее слово в принятии судьбоносных решений.

Но я должна была это сделать. Обязана, если хотела защитить тот мир, который, оболгав, отверг меня. И я знала, что с собственной обидой я справлюсь сумею.

Я попросила мужа открыть портал неподалеку от дозорной башни.

Она стояла на высоком холме, который в летние месяцы полностью покрывался алыми, кремовыми и ярко-желтыми асире, очень похожими на земные саранки. А у его подножия, на огромном лугу, где когда-то пали тысячи воинов, защищавших древнюю крепость Самар'Ин, символ единства кланов, струились нити плакучего таиля. Как память, как слезы, пролитые по погибшим матерями, женами, дочерьми и сестрами.

Моя просьба Эриара не обрадовала. По взгляду, который он торопливо отвел, я сразу догадалась, что моя первая после разлуки встреча с собственными владениями не будет радостной.

Но я даже представить себе не могла, как пронзит болью

сердце, когда вместо поднятых над воротами вымпелов я увижу покрытые сажей тряпки.

— Простите...

Князь остановился у меня за спиной, словно опасаясь, что от представшего перед моим взором зрелища я лишусь чувств. Признаться, у меня на мгновение возникло подобное желание. Но я не могла позволить себе слабость. Не сейчас, не перед детьми, которые стояли чуть в стороне, окруженные дожиной воинов, одетых в форму цвета ночного неба.

Лишь ночь и день отделяли их от привычного прошлого. Лишь ночь и день — пропасть, в которую я падала, не надеясь на спасение.

Разговор с детьми дался мне легче, чем я предполагала. Но тем не менее он был трудным. Из-за лжи, которой я щедро перемежала свой рассказ.

Даша и Саша поверили мне сразу. Еще и заявили, что сами выдумывали разные истории, в которых я была то королевой в изгнании, то принцессой, которая вынуждена скрываться от злобного отца. Слишком чуждой, на их взгляд, была я для этого мира. Вроде и такая же, как все, но от меня веяло тайной и приключениями.

Если бы они знали... Им рано было знать всю правду. Потому говорила я, а Эриар лишь стоял рядом и кивал, когда я переводила на него взгляд, подтверждая, становясь моим соучастником.

Когда-нибудь они узнают правду. Когда-нибудь они будут иметь право бросить обвинения нам с ним в лицо. Но прежде чем это случится, они должны полюбить этот мир настолько, чтобы простить.

— За что?

— За все, за что сможете.

— Нам с вами предстоит много работы. — Я догадывалась, чего ему стоило произнести это. Впрочем, многое из того, что он сегодня сделал, для мужчины его ранга и титула казалось невозможным. — Сколько воинов осталось в крепости?

Он принял мой тон. Тут же встал рядом, помня, что он равный, но зная, что это далеко не так. Я дала ему шанс, которым могла не позволить воспользоваться.

— Из тех, кому можно полностью доверять — не более че-

тырех сотен. Многие покинули границы клана, когда вас изгнали. Я надеюсь, когда станет известно о вашем возвращении, они вспомнят, кому клялись в верности.

— Мы не можем ждать, когда это произойдет. Прикажите отправить гонцов в Вольные земли с известием, что я готова принять под свой флаг наймитов. Из тех, что придут за зов, вы отберете шестьсот лучших. Еще нужны работные и мастеровые.

— Не торопитесь ли вы, моя лери? — Эриар чуть отодвинулся, чтобы видеть мои глаза. Но любой, кто смотрел в этот миг на нас, не увидел бы в этом движении ничего, кроме желания лучше рассмотреть давно не отремонтированный мост через наполовину заполненный затхлой водой ров. — На то, о чем вы говорите, потребуется много золота, которого у нас нет. Клань готовы помочь, но вряд ли эта помощь будет столь значительной.

— Я понимаю ваши опасения, князь. — Я обещала себе быть сдержанной, но уверить себя в том, что мне это по силам, оказалось легче, чем следовать сказанному. Между нами не было и не могло быть теплоты, но произнесенное ледяным тоном: «Князь» грозило отбросить нас на двадцать лет назад. — Но вы не подумали, ради чего моя сестра перекрасила правду в ложь и почему настаивала не на изгнании, а на моей казни?

Он думал об этом. Это читалось в его глазах, в пролегшей по лбу морщинке, в том, как губы тронула кривая усмешка. Но ответа он так и не нашел.

Наш клан умел хранить собственные секреты от тех, кто к нему не принадлежал.

— Князь Тамиран, — он назвал своего старшего сына официально, как подобало тому, кто больше не входил в семью, — отправил в крепость полсотни работников и сотню воинов. Малый джейсин готов к вашему приему. И... — он замялся лишь на мгновение, но и его мне хватило, чтобы догадаться о том, что я услышу дальше, — ваш родовой перстень с восстановленными нитями силы ожидает вас на алтаре святилища Великой Арлак.

Моей радости он не увидел, боль была слишком сильна,

чтобы поглотить ее. Но я была счастлива, потому что лишенная собственного дара я чувствовала себя неживой.

Маркирер

Я стоял на верхней террасе и равнодушно наблюдал за тем, как скрывается за дальней вершиной солнце. Даже мысль о том, что через несколько мгновений тело скрутит неконтролируемой трансформацией, не могла лишить меня холодного спокойствия. Эта боль стала привычной и сладостной. Она напоминала о той мести, ради которой я продолжал жить.

— Князь Маркирер...

Гонец из клана Тароков не понимал причины затянувшегося молчания. Я же... Возвращение охраняющей в свой замок не могло изменить решения: война между нами была неизбежна. А время... Я готов был дать ей время, чтобы, победив, доказать ей нашу силу.

Мы были прокляты, но это не значило, что мы отступились.

— Передай своему князю, что я настаиваю на своем. — Вместо светила — тонкая ленточка, сияющая нить, обрамляющая изломы гор. — Или он намерен пойти против меня?

Его ответом стал глубокий поклон. Я не увидел его — ощутил, как колыхнулся воздух за моей спиной. Посланец не вызывал у меня интереса, чтобы заставить обернуться. Он был всего лишь юным потомком тех, кто принял на себя всю тяжесть сделанного выбора. Не знающим горечи поражения, тоски, безнадежности, не имеющим веры, не ведающим надежды. Он был лишь тенью тех, кто посмел выступить против могущества давно ушедших...

Моего глубокого вздоха, которым я успокаивал растревоженное сердце, он уже не услышал. Закон требовал, чтобы высшие князья в часы проклятия оставались одни.

Я предпочитал эту террасу, встречая здесь закаты и рассветы, получая силу для своей ненависти.

Боль разрывала тело, ломая кости и выкладывая их заново, как только в звездном кружеве померкла последняя ниточка дня.

Но страшна была не сама боль, а та память, которая тщательно хранила чарующую легкость воплощения, когда огонь

мягко менял форму, надевая то мощью кугуара, то универсальностью человека.

Теперь все это было в прошлом, а в настоящем лишь осознание потери и ненависть к тем, кто обрек нас на это.

Вот уже несколько сотен лет каждое мгновение ночи становилось для меня бесконечностью. Первые годы я крушил зеркала, брезгуя смотреть на то, что со мной совершали наложенные волей древних заклинания.

Потом искал забвения в чужой крови, уничтожая тех, кто в ужасе отворачивался, узрев мой второй облик. Но оно не приходило, только все больше становилось тех, у кого отращивание вызывала не только моя внешность, но и мое имя. Имя великого рода...

Кресло с мягкими подушками приняло мое искореженное тело. Не человек, не зверь...

После того как я разрешил себе вкусить яд ненависти, ночь стала моей самой верной подругой, позволяя вновь и вновь наслаждаться той мезьей, которую я приготовил для Круга шести.

Но прежде чем возмездие настигнет князей, его почувствует на себе она — лери клана охраняющих, нимера. В ту ночь полнолуния, когда наша жизнь раскололась на до и после, она не должна была допустить призыва древних сил. Но она произнесла последнее слово, определившее нашу судьбу.

И меня не остановит то, что виновная уже давно ушла к предкам. Ее правнучка ответит за содеянное.

Мысли сменились дремой. Сопоставляя доходившие до меня слухи, я догадывался, что князья других кланов предпочитали проводить это время несколько иначе — унимали свою боль, отбирая чужие жизни. Жажда убивать была и у меня, но я научился с нею бороться и предпочитал день отдавать заботам о подданных, а ночь — мечтам и отдыху. Придет время, и я возьму все, ради чего укрощал свою звериную сущность.

Открыл я глаза, когда рассвет окрасил горные вершины в искрящийся розовый цвет. В который раз отметив странность, на которую уже давно обратил внимание. Возвращение в человеческую форму не было столь болезненным, как ночное превращение в зверя. В последнее время я ее совсем не замечал.

Старый слуга (присутствие которого мои инстинкты игнорировали, так как я безоговорочно принял его верность), заметив, что я проснулся, протянул мне чашу с дымящимся отваром. Неполная трансформация отнимала много сил.

— Что нового от смотрящих? — Первый глоток смочил пересохшее горло, унося с собой боль.

— Над Самар'Ин поднялся белоснежный вымпел. Говорят, всплеск силы ощутили даже маги в Вольных землях. Гонцы принесли в наемничьи кланы весть — лери охраняющих зовет воинов под свои знамена. Смотрящие рассказывают о разговорах на торговых дворах. Есть сведения, что лери успела скрыть от своей сестры место, где хранится золотой запас рода.

— Только не скрыла, — скривился я. Я не мог судить, насколько годы изгнания изменили Талину, но тот ее поступок меня не столько удивил, сколько заставил задуматься. Ей достаточно было привести совет к потайному месту, и ложь не коснулась бы ее имени. Нарушившая клятвы рода просто не смогла бы прикоснуться к древним символам — страх мучительной смерти не позволил бы ей этого. — Спасла.

Хартиш уточнять ничего не стал, лишь кивнул, принимая мои слова на веру.

— Кроме воинов она собирает в замке мастеровых и ремесленных. К началу холодов хочет полностью восстановить крепость.

Я ценю мужество и силу. Даже у врагов. Если ей это удастся... что ж, тем интереснее будет схлестнуться с таким противником.

— А еще рассказывают, — слуга наклонился к самому моему уху, словно опасаясь, что пустота террасы станет невольным свидетелем нашего разговора, — что вернулась она не одна, а с детьми. Двое их: сын и дочь. Рождены в один день, но очень разные. Девушка темная, как ночь, а сын похож на светлый день. А сопровождал ее князь Эриар. Просил он у нее милости консорта, судя по всему, и получил.

Моего смятения он не заметил. Когда-то я был огнем, играя чувствами, словно языками пламени. Проклятие сделало меня холодным и равнодушным, заставив возложить на ал-

тарь безысходности выдержку и терпение. В этот миг они мнегодились.

Мой план... тот план, который я строил по крупницам сотни лет, в одно мгновение перестал меня устраивать. Но это не значило, что я собирался отказаться от мести. Нет!

Я знал, что придет время, когда они мне заплатят за каждую ночь, когда боль терзала мое тело. Я знал, что прежде чем лишиться их жизни, я заставлю их умолять меня о смерти, как о спасении.

Но я не ожидал, что судьба будет ко мне столь милосердна, дав такой шанс!

— Говоришь, сын и дочь? — повторил я, поднимая взгляд на слугу и с удивлением замечая в его глазах то же предвкушение, что возрождало сейчас и меня. — Позови ко мне Ромио. Скажи, что есть развлечение из тех, которые он любит.

Слуга бесшумно исчез за дверью. И только когда я остался один, позволил себе улыбнуться.

Я не зря так долго скрывал от всех своего наследника, чтобы сейчас не воспользоваться этим обстоятельством.

Талина

Свои силы я переоценила. Я поняла это, стоило мне лишь увидеть ее — свою няню.

Двадцать прошедших лет избавили меня от наивности юности, которая столь щедра на обещания, с няней же они обошлись еще более жестоко. Когда я видела ее в последний раз, она была способна заступить дорогу даже воину, если считала, что я — ее подопечная, нуждаюсь в защите. Сейчас же передо мной стояла старуха, лишившаяся не только сил, но и желания жить.

И если бы не отсвет когда-то пылавшего в ее взгляде огня, я бы не узнала в ней ту, которую чтילה не меньше, чем мать.

— Мартиша! — Мой голос пролетел по пустому залу, который предвврял вход в джейсин, отразился эхом от каменных стен, не скрытых теперь гобеленами, ударил по ушам, больно отозвался в сердце, заставив опуститься на колени.

Последнее, что успела заметить, прежде чем слезы заволкли взгляд, как Эриар придержал детей, не позволив им

приблизиться к нам. Ко мне и той женщине, которая была символом моей уверенности в будущем.

— Девочка, Талина вернулась.... — свистяще шептала она, глотая звуки и ощупывая меня сухими, морщинистыми пальцами. — Вернулась кровиночка, выжила, справилась...

Она говорила за нас двоих. Все, что я могла, — мысленно обещать себе, что верну ей все, что отняли годы. Это самое малое, что я должна была для нее сделать.

— Я ждала... Она сказала, что тот мир уничтожил твою душу, лишил тебя веры, но я не слушала...

Эх, Мартиша, если бы ты знала, что делали со мной твои незамысловатые слова!

Права была сестра. Почти права. Едва не погубил, но, видно, твоя любовь берегла даже за гранью. Хранила, не позволяя потерять то, что является основой клана охраняющих.

Не судить, поддаваясь собственным чувствам, не отмерять меру, взвешивая бесстрастно — но ловить отголоски грядущих дней, предугадывать, открывая себя будущему.

Озlobившись, не отринув от себя нанесенные обиды, невозможно стать тем чистым полотном, на котором проявится узор будущих событий.

Я думала, что смогла воскреснуть, но только теперь, когда соль ее слез смешалась с моей, поняла, насколько ошибалась.

Да, я была жива, но мою жизнь поддерживала надежда, что наступит день, когда я потребую плату за все, что сделало со мной прошлое.

Я была жива, но эта была та самая жизнь, которая мало чем отличается от смерти.

— Я вернулась, Мартиша. — Прижав ее ладони к своему лицу, я заставила ее посмотреть мне в глаза и увидеть в них то, что будет принадлежать лишь нам двоим. Потому что эту клятву я могу дать только ей. Той, которая не усомнилась во мне. — Я вернулась, Мартиша.

Эриар оказался рядом, как только я начала вставать, поддерживая няню. Она оказалась удивительно хрупкой. Но хотя бы это я была в силах исправить.

— Мой муж, князь Эриар, — обозначила я новый статус князя, как только поднялась. Вряд ли они не встречались раньше. — Мои дети, Даша и Саша, — указала я на несколько

растерявшихся от накала эмоций двойняшек. — Я буду рада, если ты присмотришь за ними.

Она попыталась развести руками, словно говоря, что моя просьба ей не по силам, но я только качнула головой, не принимая молчаливого отказа.

— Я сопровождаю вас, моя лери. — Эриар правильно понял мой замысел и, знаком приказав воинам охранять детей, первым направился к неприметной арке.

В узком и извилистом коридоре, ведущем в святилище, царило запустение, чего никогда не было до моего изгнания.

Искрами отзывался на танец магического огня в полусферах светильников белый мрамор стен. В серый камень пола серебром были вписаны слова древних клятв, данных моими предками тем, кто ушел навсегда, наказав беречь этот мир.

Паутина, пыль, грязь и кровавые разводы скрывали былое величие, рассказывая о черных днях красноречивее, чем любые слова.

— Мартиша запретила работникам входить сюда, — словно оправдываясь за учиненный другими разгром, произнес Эриар, оглядываясь. Идти первой он мне не позволил.

— Я должна была это увидеть, — тихо отозвалась я, испытывая двоякое чувство. Его присутствие добавляло мне спокойствия, но заставляло думать о том, к чему я была еще не готова. О том, что нам предстоит остаться наедине.

— Моей лери не нужно убеждать меня в том, что она сильна. Доказательство этого до сих пор на моем лице.

Он переступил через обвалившийся кусок колонны, протянул руку, предлагая мне поддержку.

— Я бы назвала это доказательством моей глупости и самонадеянности, князь.

Забытое и опасное своей притягательностью ощущение ненавязчивой заботы. Но отказать ему я не могла. Я не была уверена, что мы когда-нибудь сможем стать друзьями, но не сделать его своим врагом было в моей власти.

— Моя лери...

Ему стоило подумать, что и у моей выдержки есть предел. Тем более после подобных испытаний.

Рывок — и он стоит напротив, с недоумением наблюдая, как в моих глазах пылает гнев.

— Мой отец никогда не оскорблял маму подчеркнутой вежливостью.

Вспышка была короткой и... не имела смысла. Я поняла это еще до того, как закончила говорить. Жаль, но сказанного было не вернуть.

— Ваш отец, моя лери, — его холодность можно было бы назвать снисходительностью, все-таки он был старше меня на пару сотен лет, но я помнила, как он когда-то произнес: «Прости», повторяя сейчас это же слово взглядом, — заслужил право быть ее мужем, я же получил его по милости. И я могу лишь рассчитывать, что когда-нибудь посмею назвать вас по имени.

Из нас двоих прав был он. Когда я произносила клятву принятия, думала не о том, что будет чувствовать стоящий напротив меня мужчина, — заранее просчитывала, насколько облегчит мое возвращение его связь с Дираками и его репутация бесстрашного воина.

Не честью для него было стоять сейчас рядом со мной — бесчестьем. Выбери я его из других... Думать об этом было поздно.

— Идемте, князь. — Я отступила на шаг назад, позволяя ему вновь первому продолжить путь. — Чем быстрее я приму перстень, тем быстрее мы сможем передохнуть. Завтрашний день будет более тяжелым, чем этот.

Это не было извинением, всего лишь попыткой сгладить неловкость.

Оставшийся пусть мы проделали молча. О чем думал он, я могла только догадываться, сама же отгоняла воспоминания.

Как же давно это было...

Мы с сестрой родились в один день. Я — на рассвете, когда первый луч солнца проложил дорожку в осененный сном мир, она... Ее появления ждали до полудня. Помощница повитухи уже выходила к отцу, спрашивая его о выборе: жена или дочь, но произнести те слова, которые тенью бы легли на его душу, князю не пришлось. Крик второго ребенка огласил своды дворца, славя великое будущее клана Арлаков.

Так и росли мы с ней. Вроде вместе, но... всегда врозь. Похожие и... такие разные. Мои медные волосы отливали золотом, ее золотые кудри отсвечивали медью.

Я не была тихоней, но матушка до самой смерти сравнивала меня с преддверием начинающегося дня. Не зря же назвала Талиной — тайной, которая всегда на виду, но в руки не дается.

А сестра была горячей, открытой всем, но столь же неуловимой, как жаркое марево солнечного дня.

Нарекал ее отец, выбрал для нее имя Кассире — побеждающая. К победам и готовил с раннего детства. То ли вину за собой чувствовал, то ли и вправду видел ее воином, но воспитывал как сына. А сестра и не противилась, к восемнадцати годам мало в чем ему уступала.

Не скажу, что я не владела мечом или кинжалом, да и легкий лук был для меня верным оружием, только не любила я играть в эти игры. Понимала необходимость, со всей тщательностью тренировалась, но страсти не испытывала. К другому моя душа стремилась, покоя и умиротворения жаждала.

Именно потому будущей нимерой охраняющих назвали меня. Кассире внешне обрадовалась такому решению, но ее ярость я ощутила. Вот только даже матушка не поверила мне, когда я высказала ей свои сомнения.

Жаль, но тогда я не смогла найти слов, которые бы убедили ее в моей правоте.

— Моя лери... — Эриар, пропуская меня вперед, остановился под аркой. Ни тени эмоций на благородном лице, ни малейшего сожаления, что не он первым войдет под своды святилища. Бывший глава своего рода.

— Еще возможно все изменить. — Я пыталась говорить отстраненно-равнодушно, но моя сдержанность вновь подвела меня. Впрочем, что-то подсказывало мне, что мой дрогнувший голос не стал для него признаком слабости. — Пока я не признала власть над кланом, вы можете отказаться от обязательств, которые я вам навязала.

Моя попытка поймать его взгляд не увенчалась успехом. Чтобы не дать мне увидеть своих чувств, Эриар склонился, позволив выющимся прядям прикрыть лицо, и жестом пригласил меня пройти под устремленный к небу семигранный купол святилища, венчавший витые колонны.

Гнев всколыхнулся в душе — я дала ему шанс вернуть не

только свободу, но и ту честь, которую отняла скоропалительным решением, но тут же утих. Я вновь допустила ошибку.

Второе оскорбление за столь короткий путь сюда! Мне нужно было тщательнее следить за своими словами. Я помнила законы кланов, но... правила другого мира стали для меня естественными.

Мысленно попросив у Эриара прощения, я решительно вышла из тени перехода в залитое ярким летним солнцем святилище.

Стрелы защитных заклинаний впились в мое тело, но я, невзирая на боль, продолжала идти к центральному алтарю, на котором в высеченной из прозрачного камня чаше лежал перстень главы рода.

Я никогда не думала, что ответственность придет ко мне так рано, но родители покинули нас с сестрой в один день. Немногие знали, что они любят по ночам ездить вдвоем к лунному озеру.

Точнее, знали об этом лишь трое: мы с Кассире и командир внутренней стражи, который всегда сам выпускал их через потайной проход в крепостной стене.

Сколько раз я затем слышала, что их безрассудство стоило им жизни. Но даже тогда наивно воспринимая окружающий мир, я понимала, что было истинной причиной их смерти.

Предательство.

Только год спустя я узнала, кто переступил черту дозволенного, желая большего, чем было дано от рождения. Поздно узнала. Убийцы, которых разыскал Эриар, указали на меня.

Мне было девятнадцать, когда я заняла место во главе стола Совета кланов. Мне исполнилось двадцать, когда Кассире бросила мне в лицо слова обвинений. Защитить себя я не смогла, а тот, на кого надеялась опереться в борьбе за честь, поверил навету.

Я не винила ни ее, ни его. Кассире была рождена, чтобы побеждать, а он... Она оказалась хитрее, заставив его признать правоту своих доводов.

— Моя лери...

Мы были женаты всего лишь день, но я понимала его без слов. Отвела его руку, протянутую к чаше.

Никаких ритуалов, никаких слов и клятв не будет. Все, что я должна была произнести, произнесла в кажущемся далеком прошлом. Я не нарушила данные тогда клятвы.

Но стоило мне достать перстень, как решимость растаяла, утекла талой водой. Потемневшая от времени оправка, белый камень, на гранях которого играли солнечные зайчики...

Я помнила, как именно Эриар надевал мне перстень на палец, объявляя главой клана.

Я помнила, как он откатился ему под ноги и попал в щель между плитами, когда я сорвала его с пальца.

Я помнила, но должна была забыть. Ради того будущего, о котором не хотела бы жалеть.

ГЛАВА 2

Ромио

— Ромио!

Звонкий голос Тистара бился между холмами, куда я предпочитал сбегать от всех. Но раз он появился в этом укромном месте, значит, закончилась моя вольница.

— Ну что? — хмуро ответил я, выбираясь из небольшой пещеры, вход которой настолько густо зарос кустарником, что и в одном шаге заметить его было невозможно. Книгу из рук не выпустил, оставалась надежда, что судьба будет ко мне благосклонна и друг и соратник всего лишь заскучал. — Только не говори, что у твоей очередной подружки объявилась близкая родственница, которая ну просто жить не может без страсти ансаира.

О том, что с надеждой пора расставаться, я понял еще до того, как закончил говорить. Во взгляде Тистара пылало предвкушение большой авантюры, а красотки к подобным делам не относились.

— Тебя зовет князь. Его слуга просил поторопиться.

— А какой тебе с этого интерес?

Я покинул крепость несколько дней назад, получив заслуженный отпуск после того, как выполнил очередное поручение отца. О том, кем именно приходится мне Маркирер, я догадался сам, оценив его участие в моей судьбе, но ни с кем

своим знанием делиться не собирался. Не просто так он предпочитал скрывать от всех наше близкое родство — слишком опасно это было для меня. Не просто так сделал крейзом, с каждым разом доверяя все более сложные задания. У него были на меня свои планы.

Какие — меня несколько не интересовало. Придет время, сам расскажет. Уж чему-чему, а моему терпению мог позавидовать и хансюр.

Тистару, в отличие от меня, чужие тайны мешали спать спокойно. Хорошо, что при этом он умел не только великолепно скрывать свое любопытство, но и никогда и никому не давал понять, что ему известно более того, что он должен знать по своему положению.

Я составлял единственное исключение. Причина была прозаична — мы были побратимами.

— Думаю, князь на этот раз не отправит тебя одного, — усмехнулся друг, намекая, что уже успел сделать вывод из собранных в замке слухов и собственных домыслов.

Его оговорку я проигнорировал, стоило только раз дать слабину и проявить заинтересованность, больше Тистар от меня не отвяжется. А становиться его благодарным слушателем я не торопился. Говорить он мог долго и самозабвенно.

Бросив прощальный взгляд на свое убежище (пещера уже давно приобрела жилой вид), я привычно активировал заклинание. Теперь ни разумное существо, ни зверь не смогут войти внутрь, даже если им удастся продрасться сквозь ветви схарилы.

— Ну пойдем, что ли. — Усмешку я скрыл, выражение лица друга было обиженным.

— Пойдем, — фыркнул он и... бросил на землю одноразовый амулет перехода.

Не скажу, что этот факт добавил мне спокойствия. Подобные штучки не были редкостью, воплощенные торговали заготовками. Они оставляли нить привязки свободной, а уж зацепить ее мог даже ребенок, достаточно лишь положить в нужное место и соединить два кристалла, замыкая цепочку.

Смущало другое: эти игрушки довольно дорогие, чтобы использовать их для возвращения в крепость, пешего пути до которой пара часов.

Выйдя из портала, мы оказались в холле, который предвещал княжеские покои. Воины стражи, готовые защищать своего господина, несколько расслабились, как только рассеялся дымок перехода. Мы с Тистаром были частыми гостями в малом джейсине клана.

Хорошо еще, никто из них не знал, чем именно я занимаюсь для высшего князя клана Отшаров. Вряд ли бы тогда вели себя столь беспечно.

Мы с другом только и успели, что ступить на темный мрамор пола, как одна из створок резной двери приоткрылась, оттуда выглянул старый слуга князя (его имя не было известно никому из приближенных к Маркиреру, у кого я пытался его узнать) и поманил меня пальцем.

Тистар, желая благосклонности переменчивой судьбы, довольно чувствительно хлопнув меня рукой по плечу, направился к окну, рядом с которым стоял ряд кресел. Для посетителей. Я же, не слишком-то и торопясь, пошел к ожидавшему меня старику. Впрочем, мой опыт мне подсказывал, что не столь он и стар, как пытается показать.

— Князь ждет, мог и прибавить шаг, — проворчал тот, пропуская меня в овальный зал.

Реагировать на замечание я не стал, неторопливо прошел мимо единственного посетителя, в котором узнал командира одного из отрядов наемников. С ним я встречался в Вольных землях.

Знаком показав, что заметил его, и получив в ответ такой же, вошел в кабинет.

Маркирер поднял голову от депеши, которую читал, не приняв глубокого поклона, кивком указал на кресло. Пока я устраивался, пытаюсь подсчитать, сколько раз я видел князя в праздном ничегонеделанье, слуга, не поворачиваясь к своему господину спиной, оставил нас одних.

На свой вопрос я ответил сразу — такого на моей памяти не было.

Гадать, зачем он меня вызвал на этот раз, было занятием бессмысленным. Тистар хоть и хорохорился, утверждая, что способен постичь замыслы Маркирера, сильно преувеличивал. Отец был не из тех, чьи поступки так просто предугадать.

Уж я-то это знал доподлинно. Не единожды приходилось восторгаться его изощренными планами.

Чтобы занять себя чем-нибудь полезным, я раскрыл книгу, которую прихватил с собой. Фолиант был из древних, достался мне при крайне удачном стечении обстоятельств, так что я предпочел держать его при себе. Я уже проделывал подобное, так что гнева главы клана не опасался.

Перевернув то ли четвертую, то ли пятую страницу, не в первый раз увлекшись описанием тех событий, которые привели к проклятию отколовшихся кланов, я понял, что мне не хватает звуков.

И вновь я не стал спешить. Аккуратно вложив закладку, закрыл книгу, застегнул замок и только после этого поднял взгляд на князя. Тот смотрел на меня и чуть заметно улыбался.

— И как давно ты знаешь? — Он откинулся на спинку кресла, успев ненароком дать мне подсказку. Прикосновение к родовому перстню было машинальным, но он не закончил жест, резко оборвав, словно не желая, чтобы я его увидел.

Размышлял, стоит или нет так уж сразу отвечать на его вопрос, я лишь мгновение. Он был не прочь поиграть, я был готов доставить ему это удовольствие.

— Не понимаю, о чем говорит мой князь, — чуть нахмурившись, произнес я.

— Ты один из немногих в клане, кто интересуется столь далеким прошлым. Да и книга, которую ты держишь в руках, редкость. За такими охотятся. Для этого должны быть веские причины.

— Любопытство, — предложил я ему свое объяснение.

— Возможно, — согласился он со мной. — Но любопытство либо есть, либо его нет. Этот порок редко когда проявляется избирательно.

— Мой князь интересуется моей жизнью? — В отличие от него я не чувствовал себя столь раскованно. Князь все-таки.

— Это глупый вопрос, Ромио. — Он укоризненно качнул головой. Но я не торопился пугаться собственной участи, помня, что все это только игра. — Разве может твой князь доверять тебе особого рода дела, не зная о тебе самого сокровенного?

— Я могу только обещать своему князю, что впредь поду-

маю, прежде чем спрашивать. — Мое раскаяние должно было выглядеть достаточно глубоким, чтобы он продолжил наслаждаться нашим общением.

Не знаю, с каких позиций он оценивал меня на этот раз, но для него мое поведение во время этого разговора было важным. Я доверял своему чутью.

— Так когда ты узнал, что я твой отец? — Он поднялся резко, но я успел заметить его движение и встал лишь на миг позже него.

Я не вздрогнул, когда он неожиданно оказался рядом. Он был быстр, как и его вторая ипостась, но я за свои почти сорок лет скитаний тоже многому научился.

— Когда вы позволили мне увидеть себя ночью. — По сравнению с ним я был юнцом. Но будь я человеком, половина жизни была бы уже позади. — Мой князь ведь не просто так приказал поселить меня в тех покоях?

— Эта могло быть случайностью.

Я усмехнулся.

— Высший князь Маркирер случайно отправил своего крейза в комнаты, где скопилась столетняя пыль?

— Их привели в надлежащий вид, — с тем же поразительным, похожим на равнодушие спокойствием, возразил мне он.

Пришлось его разочаровать.

— Слуги князя были недостаточно расторопны. Или посчитали, что я не загляну в углы гардеробной. Там не было только останков шкордов.

— Из всех возможных объяснений ты нашел самое невероятное.

Собственный жизненный опыт подсказывал мне, что свой вывод я сделал благодаря точно исполненному приказу. Высказанные мною предположения казались более немислимыми, чем наше с ним родство. Но говорить об этом я ему не собирался, хоть и знал, насколько глупой будет моя попытка ввести его в заблуждение.

— Слишком много к тому времени набралось случайностей, которые прекрасно подходили под сделанный мною вывод. Эта всего лишь оказалась последней, которая и утвердила меня в возникших подозрениях.

— Кто-нибудь еще знает?

Мой взгляд был задумчивым, а улыбка — наивной.

— О чем, мой господин?

Он отступил первым. Медленно, демонстрируя свою звериную грацию, обошел стол, но в кресло не сел, остался стоять, поглядывая на меня ну уж очень многозначительно.

Хорошо еще, молчание надолго не затянулось. А то не знаю, о чем бы уже и думал.

— Ты должен привести мне дочь лери Талины. Живой и невредимой.

О возвращении главы клана охраняющих я не просто слышал, видел, как она вместе с князем Эриаром стояла на холме, осматривая бывшую когда-то неприступной крепость Самар'Ин. Про детей тоже знал.

— Пока ее не объявили наследницей...

— Она бесправная чужеродка. И я не хочу, чтобы она видела в тебе врага.

— Мой князь хочет стать ее защитником?

Я опустил голову, словно увлекшись замысловатым рисунком мрамора под ногами. Это не могло его обмануть, но мне давало мгновение передышки. Его план был безумным.

Как только девушка исчезнет, за ней начнется охота. Поднимутся лучшие следопыты всех кланов, города и деревушки наводнят смотрящие и шепчущие. Не будет ни одного дерева в лесу, ни одной тропинки в горах, рядом с которыми не найдется воина, жаждущего первым отыскать такую добычу.

А как только узнают, кто стал ее заступником, кто сохранил ее жизнь и честь, все проклятые отвернутся от Маркирера, назвав его изгоем и предателем. Но все, чего добьются, — дадут ему свободу, возможность действовать без оглядки.

Я не сомневался, что мои мысли не стали для него секретом. Пусть он внешне никак и не отреагировал на мою попытку скрыть от него свой взгляд.

Уже не раз я поражался, с каким отстраненным спокойствием, с каким мужеством он принимает каждый свой день проклятой древними жизни. С какой настойчивостью выплетает сеть своих интриг, о которых невозможно догадаться, если не быть к нему настолько близко, насколько находился я.

Сам же я был другим, хоть и гордился сначала своим князем, а потом уже и отцом.

На ансаира я мало был похож. Не слишком-то и высокий, довольно худощавый, смешливый. Я внушал доверие, не вызывал опасений, казался простоватым. Этим и пользовался. В моих делах такое отношение было только подспорьем.

Благодаря той самой книге, которую сейчас продолжал держать в руках, я понял, что все это и были признаки отпрыска княжеского рода. Просто об этом мало кто знал, да и детей высшие князья предпочитали не заводить. Или не признавали, чтобы древний ритуал родства не открыл будущего наследника силам предков, одарив не только всеми способностями, присущими роду, но и проклятием.

— Ее невинность должна быть неприкосновенна. И предупреди Гистара, чтобы даже не смел смотреть в ее сторону. — Я кивнул, представляя, что скажет на это мой друг, но Маркиреру этого показалось мало, и он счел нужным повторить: — Лери Талина должна быть благодарна мне не только за спасение дочери. Девушке надлежит принять перстень наследницы и войти в спальню мужа чистой и непорочной.

— Еще бы узнать, для кого я должен стараться? — задумчиво прошептал я, не столько рассчитывая на ответ, сколько пытаюсь отгадать по его реакции.

Ошибся и с первым и... со вторым. На его лице не дрогнул ни единый мускул, но имя я услышал.

Было приятно узнать, что хотя бы в чем-то я оказался прав. План отца был поистине коварным.

Талина

Мне повезло. Правда, поняла я это не сразу.

Первое, что увидела, когда мы вернулись во дворец, — сидящих на полу в большом зале Сашку и Дашку. Похоже, оба переступили предел, за которым осталась способность спокойно воспринимать происходящее с ними.

Мартиша кружила над детьми, как наседка, но она для них тоже была из чужого мира, который отказывалось принимать их сознание. Да и застывшие вокруг воины, на лицах которых не отражалось никаких эмоций, мало способствовали спокойствию.

Пришлось забыть о планах, которые мы успели коротко обсудить с Эриаром, и заняться этой парочкой. Крепость столько времени просуществовала без меня, переживет и еще один день. Дети важнее.

Подцепив Дашку под локоток (Сашка поднялся сам, демонстрируя, что из них двоих будущий мужчина именно он), я повела детей наверх, к жилым покоям. Мартиша суетливо бежала впереди, тихонько о чем-то причитая. Мысль о том, что нужно как можно скорее провести для нее обряд новолетия, мелькнула, но тут же пропала. Если сын еще как-то держался, то Дашку откровенно трясло.

Она была бойкой девочкой, глядя на которую хотелось произнести: «Шпана», но... близкие знали, насколько она ранима. Вот только чтобы осознать это, нужно было увидеть ее в ситуации, подобной этой, потому как сопротивлялась она обычно «до последнего». Настаивала на своем, время от времени огрызалась, но не сдавалась ни под напором обстоятельств, ни под давлением чужих мнений.

Сашка же наоборот. Мне частенько говорили, что ращу я маменькиного сынка.

Как же они ошибались!

Кажущаяся мягкость, солнечность этого золотистого чуда скрывала под собой характер-кремень. Он рано осознал, что остался единственной опорой в доме, и как-то незаметно взял нас с дочерью под свою опеку.

О том, что он занимается рукопашным боем, я узнала через полгода после того, как он начал тренироваться. О том, что Даша последовала его примеру, еще через пару месяцев.

И ведь не сказать, что я не интересовалась жизнью собственных детей!

На мой вопрос: «А нужно ли это девочке?» — жестко ответил: «Она должна уметь защитить себя, если меня не будет рядом».

Все, что мне оставалось, — развести руками. Впрочем, это был далеко не единственный раз, когда мне это пришлось сделать. Когда меня известили, что Даша с Сашей занимаются бальными танцами (Даша должна уметь красиво двигаться), я только кивнула, принимая к сведению.

Заведя детей в покои, которые когда-то принадлежали

нам с сестрой, попросила Мартишу принести перекусить. Для ужина уже поздновато, но мне необходимо было за что-нибудь зацепиться, чтобы вернуть их к реальности. Еда показалась не самым худшим вариантом.

Мое присутствие двойняшек несколько успокоило, а экскурсия, которую я им устроила по комнатам, даже вернула улыбки на их мордашки. Показывая, где и что находится, я не уставала рассказывать смешные истории из собственного детства.

Мне было больно, но сейчас это не имело никакого значения.

Уснули мы втроем, на огромной кровати в той спальне, которая когда-то была моей. Изумрудный цвет, мой любимый, теперь остался только в памяти. Комната была отделана в бирюзовых тонах.

О том, чем занять себя и детей с утра, закрепляя полученный мною результат, я придумала уже на грани сна и яви.

Самым сложным в моей задумке оказалось найти подходящую одежду.

Мы уже заканчивали отмывать святилище, мокрые, но довольные, когда Даша неожиданно замерла, уронив тряпку в таз. Всплеск и шутливо-недовольное бурчание обрызганного Сашки и привлекли мое внимание.

Эриар стоял у входа в святилище и... улыбался. Стоило ему заметить мой взгляд, как все эмоции покинули его лицо, оставив после себя холодное равнодушие.

Мне было стыдно признать, но о муже я не вспомнила.

— Лери Талина, — он сделал шаг к нам, но тут же остановился, взглянув на сверкающий мрамор. Проход за его спиной все еще чернел копотью, — прибыл гонец от князя Тамирана. Глава клана хотел бы встретиться с вами лично и как можно скорее.

Представив, как выгляжу сейчас: подол платья подоткнут за пояс, чтобы не мешался (хорошо еще, догадалась надеть брюки), рукава засучены, заплетенные в две косы волосы растрепались, на губах шальная улыбка, которая при виде Эриара стала еще более беспшабашной, — усмехнулась, развела руками:

— А у нас есть чем его встретить?

Боюсь, такого вопроса мой муж не ожидал. Жаль, его растерянность длилась недолго.

— Я пошлю кого-нибудь на кухню узнать.

— Не надо, — хмыкнула я и обернулась к детям, которые очень внимательно следили за разыгравшимся перед ними спектаклем. — Вы сами справитесь?

— Сомневаешься? — Сашка приподнял бровь и подмигнул сестре.

— Я за ним присмотрю, — фыркнула та и, гордо приподняв подбородок, указала брату на бадью с водой, которую надо было перетащить ближе к входу. Когда сын, демонстрируя рвение, кинулся исполнять ее шуточный приказ, добавила с интонациями, напоминающими речь Эриара: — Ты можешь идти. За нас не беспокойся. Если это возможно, оставь нам Мартишу.

Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. С подобным князь вряд ли раньше сталкивался.

— Хорошо, постреленок. — Я нежно поцеловала дочь в нос. — Когда закончите, вернитесь в комнаты и переоденьтесь. Я приду за вами, как только смогу.

— Истерик больше не будет, — прошептала Даша мне на ухо.

Могла этого не делать — слух у воплощенных намного лучше, чем у людей. Но об этом я еще детям не рассказывала.

Впрочем, я еще много о чем им не говорила.

Поправив юбку, я подошла к мужу. Его лицо вновь было спокойным, но глаза продолжали лихорадочно блестеть.

— Мне нужно сменить платье. Вы проводите?

— Конечно, моя лери. — Отступив в сторону, он пропустил меня вперед.

С этим надо было что-то делать, но... я не знала, как объяснить ему, что мы оба попали в ситуацию, когда любой наш шаг может оказаться неправильным. А он не торопился догадываться о том, что я не могла облечь в слова.

В том же порядке: я — первая, он за мной, мы поднялись на второй этаж, но повернули не направо, где находились детские покои, а налево. Гардероб мне Мартиша приготовила в супружеских апартаментах.

Сердце дрогнуло, когда я подошла к двери, рядом с кото-

рой стояла охрана в килорах цветов клана Дираков. Смерть родителей стала далеким прошлым, пусть и продолжала тревожить ощущением невосполнимой потери, а вот чужие войны в святая святых крепости Самар'Ин были признаком настоящего, которое меня совершенно не устраивало.

— Эриар, — я заговорила, как только мы остались одни в большом холле, предвещающем вход в анфиладу комнат, которые теперь принадлежали нам с ним, — я прошу вас сменить килор. Вы — князь клана Арлаков, его глава. И я хотела бы видеть вас в белом с серебром.

Ответ прозвучал раньше, чем затих звук моего голоса, словно он подготовился к этому разговору заранее.

— Совет еще не принял мою клятву. Я не хотел бы торопить события.

Стена, которую он выстраивал между нами, становилась все выше. И если детей я могла просто прижать к себе и наговорить им кучу глупостей, чтобы вернуть если и не уверенность, так хотя бы внутренний зазор, желание узнать этот мир и принять его, то с князем было все значительно сложнее.

Отчасти повинна была в этом я, забыв о законах, которые когда-то были моими. Но не меньшая ответственность лежала и на нем. Он должен был помнить, где именно я провела последние двадцать лет. Мог подсказать, напомнить, предостеречь, но... не произнес ни слова, когда я неосознанно оскорбила его достоинство.

Или... не захотел, посчитав, что заслужил унижение.

— Князь, — два решительных шага, и я стою напротив. Настолько близко, насколько это возможно, чтобы он не расценил это как провокацию, — вашу клятву приняла я. Я назвала вас мужем, признала равной себе, поделила между нами заботы клана. И вы считаете, что после всего этого меня будет интересовать мнение совета?

Улыбка чуть тронула его прекрасно очерченные губы.

— Я рад, что больше не вхожу в совет. Они помнят вас юной испуганной девушкой и не ожидают увидеть сильную женщину.

— Если это было согласие с моим мнением, то прозвучало оно несколько витиевато. — Манера беседы, принятая в княжеской среде воплощенных, утомляла даже больше, чем сва-

лившиеся на меня проблемы. Будь мы на Земле... Эриару повезло, что мы не на Земле. Все-таки отношения между мужчиной и женщиной в том мире были проще, чем на Лерикане. Пусть внешне все и выглядит незамысловато: мужчины правят, женщины служат им украшением и опорой, при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно не так. Множество условностей, тонкостей... Мне придется быть в будущем более осторожной. То, что будет вынужден принять Эриар, остальные воспримут как покушение на устои. — А насчет совета... — Я отступила на шаг. Муж был выше, а мне хотелось видеть его глаза. — Вам придется встать за моим плечом. Ваша помощь, князь, будет мне необходима.

— Как прикажет моя лери.

Он умел держать удар. Бывший глава самого могущественного клана Круглого стола, бывший вершитель судеб — палач совета, бывший... бывший... бывший...

Раскаяние заставило его отказаться от всего, что у него было. Мое признание, что без него мне не обойтись, вернет ему многое. Единственное, чего он будет вынужден добиваться сам, — взаимности. Если захочет. Если нет...

Думать о консорте было пока преждевременно, но и забывать о том, что я — женщина, я не собиралась.

По своим спальням мы разошлись молча.

В моей, так же как и у Дарьи, была бирюза. Красиво, но не по-моему.

Как и многое другое, это могло подождать.

Выбирать особо было не из чего. Несколько платьев, лишь одно из которых соответствовало цветам Арлаков, и пара мужских костюмов. Один дорожный, темного серебра, второй более парадный, тоже серебро, но более светлое и с белоснежным подкладом. Он вполне подходил для встречи с главой дружественного клана, ну а первый соответствовал тому разгрому, который творился в крепости.

Оставалось лишь подобрать к нему кинжалы. Это я собиралась доверить мужу.

Эриар исполнил мою то ли просьбу, то ли приказ. Когда я, переодевшись и убрав волосы в тяжелый узел на затылке, вошла в малую гостиную, он меня уже ждал. Белый килор, возможно, принадлежал еще моему отцу, но сидел на нем как

влитой. Как и брюки, тоже белые, с узкой серебряной полосой.

Стоило признать, что эти цвета ему шли едва ли не больше, чем те, к которым он привык. Впрочем, он относился к тому типу мужчин, который красил одежду, а не наоборот.

Чуть удлиненное лицо, упрямый, раздвоенный подбородок, прямой нос с небольшой горбинкой, широкие брови, красиво очерченные, пепельно-серые глаза. Длинные темные волосы, собранные в хвост, без седины, но словно припорошенные пылью. Очень неожиданно смотрится в сочетании с чуть смуглой кожей.

Про таких у нас говорят, что они рождаются воинами и не знают, что значит быть мальчиком или юношей. В них с младых лет ответственность и предназначение.

— Гонец ожидает в каминном зале.

Он не рассматривал меня с таким же интересом, как я его, отвел взгляд практически сразу. Но я успела заметить, как потемнел его зрачок, а в комнате потянуло сквозняком. Он сумел сдержать свои эмоции, но его дух отозвался на мое появление.

— Пойдемте, князь. Мы и так заставили его ждать.

Спускаясь вниз, столкнулись с Дашкой и Сашкой, которые поднимались нам навстречу. Судя по тому, что Мартиши рядом с ними не было, она отправилась на кухню. О появлении посланца Дираков она не могла не узнать.

Дарья остановилась резко, словно налетела на стену. Окинула меня внимательным взглядом, потом посмотрела на свой, мягко говоря, расхристанный вид и усмехнулась. Улыбку я не сдержала, на ее мордашке отразилось все, что она думала в этот момент. Судя по всему, в ее голове мелькали платья, в которые она собиралась нарядиться сама и вырядить меня. На Земле она мечтала стать модельером.

Эта мысль отдавала грустью, но меня не смутила. Если они с Сашкой не смогут прижиться в этом мире, я отпущу их обратно. Буду скучать, переживать, но... я им предоставлю тот выбор, которого не было у меня.

Сын был более сдержан в проявлении своих чувств. Лишь подмигнул, давая понять, что удовлетворен увиденным. Вот только я успела заметить, как он судорожно сглотнул, когда

его взор коснулся парных ножен с кинжалами, которые украшали перевязь князя. Насколько я помнила, это были родовые клинки — те, что отец дарил сыну в день возмужания.

— Я подберу Александру наставника. — Эриар заговорил, вторя моим раздумьям, когда мы уже подходили к малому залу для приемов, который называли каминным. — У него прекрасная координация, пара из меча и кинжала вполне соответствует его внутреннему ритму.

Мы уже были у самой двери, так что мне пришлось замедлить шаг, чтобы высказать и свое мнение. Кроме того, стоило кое-что уточнить.

— Почему Александер? — Его интерпретация имени сына меня несколько удивила.

— Носитель дара. — И когда я кивнула, смутно вспомнив древние летописи, добавил, вынуждая меня вновь задуматься. — Я ощущаю в нем странную силу, его обязательно нужно показать старейшинам.

— Он мальчик. В нашем роду способности передаются только по женской линии.

Он, не споря, пожал плечами:

— Я говорю только то, что чувствую.

Возразить было нечего, я лишь обратила его внимание на то, чего он еще не знал.

— Саша не будет тренироваться без сестры. Он считает, что она должна уметь себя защищать.

Улыбка Эриара была неожиданной и трогательной.

— Я заметил. — Одно мгновение и он вновь стал отстраненно-холодным. — Из Дарии получится неплохой воин. И... великолепная наследница клана.

Продолжить разговор он мне не позволил. Опередив охрану, сам открыл дверь, привычно пропуская меня вперед.

Эриар

Я был уверен, что она не придет, но вопреки всем доводам разума надеялся, что ошибаюсь.

Ждал до полуночи, даже после того, как Мартиша предупредила меня, что Талина осталась с детьми.

Ее действия были вполне объяснимы, но все равно воспринимались как пощечина. Если бы не няня жены, я бы

даже не знал, где она находится. Выяснить же этот вопрос у начальника охраны, преданного мне воина, я не собирался. Стоило пощадить его выдержку, если уж я не считался со своей.

Впрочем... Я уже не первый раз за этот день заставлял себя осознать, что являюсь для нее мужем только на словах. Прими она меня консортом, ее отношение ко мне стало бы более ясным.

Таково было мое решение. Трудное, заставляющее вспомнить о смирении и стиснуть зубы, чтобы не показать, как ранит меня это положение, которое я заслужил.

Но она сделала по-своему, вновь разрушив мой мир. Уже далеко не в первый раз. Как и я ее.

Ночь вообще обостряет чувства, эта же норовила стать откровением. Для самого себя. Прошлое казалось ясным и ярким, как сверкающие в черноте небосвода звезды. Поступки, каждый по себе верный, приводили к результату, за который было стыдно. И пусть вина за содеянное лежала не только на мне, оправдывать себя тем, что я действовал по повелению совета, я не собирался. В моих силах было не только проверить сказанное крейзами, но и потребовать последнего испытания для Талины.

Вот только о тайной сокровищнице я не подумал тогда, не вспомнил и позже. А ведь мне было известно об особенностях охранных заклинаний клана Арлаков.

Утром легче не стало, спокойнее — тоже, если только понятнее.

Она другая. Я это знал, но не осознавал. Дешети, которые я регулярно получал с Земли все эти годы, были мертвыми. Они говорили, но не рассказывали, скрывая от меня истинный смысл. Я не видел за ними ее жизни, лишь события. Не догадывался о тех изменениях, которые происходили в ней.

— Лери Талина. — Мой младший сын услышал, как мы вошли в каминный зал, и, оторвавшись от любования батальной сценой, изображенной на гобелене (то небольшое, что осталось от прежнего величия крепости), направился к нам навстречу. Низко поклонился ей, словно не замечая моего присутствия, но когда я встал справа от лери, ничуть не смутившись, приветствовал и меня.

Я мог им гордиться. Ему было известно, кем именно я должен был войти в этот клан (в отличие от старшего, ставшего главой Дираков, Ратхар не принял моего выбора), но ничем не показал, что удивлен моим новым статусом. Приятно удивлен.

Лишь изнутри обдало свежестью, выдавая его чувства. Да только кроме нас двоих этого ощутить никто не мог. Не души отзывались, духи стихий.

— Моя лери. — Я чуть развернулся, собираясь представить ей сына, но она остановила меня коротким жестом.

— Не стоит, князь. Я прекрасно помню княжича Ратхара. Так что перейдем к делу.

Мне удалось удержаться от усмешки. Жаль, что напротив нас стоял не Тамиран. Тот бы сразу догадался о том, что стало моим сегодняшним открытием.

Совет ожидал увидеть растерянную женщину, благодарную им за возвращение, а получит ту, которая без колебаний пойдет против древних устоев, если посчитает, что они вредят кланам.

Ради того чтобы стать свидетелем подобного, я был почти готов смириться и с возможным появлением консорта возле Талины.

Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить этого.

Сделаю, пусть она и дала мне четко понять, какими именно будут наши супружеские отношения. Она намеревалась отдать мне номинальную власть в клане в обмен на свободную от меня постель.

— Лери Талина, — Ратхар продолжал разговаривать только с ней, демонстративно меня игнорируя (он был слишком юн, но Тамиран правильно сделал, что отправил гонцом именно его), — мой князь просит вас принять его как можно скорее. Есть несколько вопросов, которые он хотел бы обсудить с вами до заседания совета.

— Как можно скорее? — повторила Талина и вопросительно посмотрела на меня. — Сегодня мы собирались еще обойти крепость. Если мы правильно с вами, князь, рассчитали, то завтра с утра начнут прибывать первые наемники, так что вы будете заняты. Да и мне необходимо уделить внима-

ние подбору наставников для детей. Так что только послезавтра. Как вы считаете, Эриар?

С каждым ее словом Ратхар бледнел все сильнее, хоть и пытался не показать растерянности. Я же поистине наслаждался разыгрываемым ею представлением. Она была настолько естественна в своем поведении, что на мгновение ей удалось обмануть и меня. Но я видел, как она смеялась вместе с двойняшками, так что сумел распознать ее игру.

Это был довольно жестокий урок, но, усвоив его, Ратхар будет готов к тем изменениям, которые я предчувствовал.

— Моя лери, — я позволил себе невесомую улыбку, чтобы лишь слегка рассеять сгущающееся напряжение, — мне кажется, мы можем сдвинуть наши планы. Князь Тамиран не будет из праздного любопытства просить о встрече.

Задумчивость промелькнула на ее лице как тень. Заметить не сложно, но уже через мгновение начинаешь сомневаться в том, что видел.

— Я доверяю вам в этом вопросе, князь. — Она медленно опустила ресницы, словно благодаря меня за совет. Ратхар судорожно вздохнул, но быстро вернул себе самообладание. Достаточно быстро, чтобы я вновь мог испытать гордость за сына. — Мы приглашаем князя на ужин. Я прикажу открыть для главы клана Дираков прямой переход в большой джейсин.

Чуть склонив голову, давая понять, что добавить ей нечего, она приняла поклон Ратхара. Этот его знак вежливости был более выверенным, чем первый. Так кланяются не врагу, но тому, кого не рискуют ненароком оскорбить.

Я был доволен.

— Он вырос, — совершенно иным тоном произнесла она, отходя к креслу, когда сын покинул зал.

— Когда вы его видели в последний раз, моя лери, он уже лунаров десять назывался мужчиной.

— Тебе не надоело? — неожиданно спросила она, внимательно смотря на меня, словно изучая.

Я понимал суть ее вопроса, но ответить не мог. Слишком многое пришлось бы объяснять, слишком во многом покаяться. У нас не было на это времени, да и я еще не был готов.

Догадывался, что я чем-то похож в этой ситуации на Рат-

хара, следуя привычными тропами, отказываясь смотреть на происходящее с ее стороны, до конца не принимая того, что для меня все изменилось.

Но ощущал другое — рано. Если я сделаю шаг ей навстречу, разрушу то, что могут укрепить только дни и ночи рядом друг с другом.

— Прошу меня простить, моя лери...

Договорить она мне не дала, как я и предполагал. Устало перебила:

— Не надоело. Хорошо, князь, будь по-вашему. — И, грустно улыбнувшись, продолжила, будто и не было этого прямолинейного вопроса. — Я предупредила Мартишу, что обежать мы будем в детской. Ваше, князь, присутствие, обязательно. Затем я хотела бы встретиться с комендантом и управляющими. Опять же вместе с вами. Потом, если успеем, спустимся в нижнюю крепость.

Я ничем не дал ей понять, что план меня вполне устраивает. Сам собирался предложить ей нечто подобное, раз уж она возложила часть ответственности за форпост клана Арлаков на меня.

Не обрадовал лишь первый пункт. Александер и Дария слишком открытые, я буду выглядеть чужим в их компании. Не то чтобы меня это смущало, но дети понравились мне, и я не хотел усложнять им знакомство с новым миром.

Но и отказать Талине сейчас я тоже не имел возможности, пусть это и могло быть воспринято как некая уступка с моей стороны, как благодарность за построение новых взаимоотношений в клане и за урок, который она дала моему сыну.

Кривить душой я не собирался — в какой-то мере так оно и было.

Совместный обед прошел полностью в соответствии с моими ожиданиями. Талина улыбалась, пыталась шутить, но ее напряжение заметил не только я. Александер бросал на меня полные тревоги взгляды, Дария посматривала исподлобья, оценивая, кто я: враг или друг.

Я подкаски не давал, держался так, как если бы это были мои дети. Да — несмышленные, но — мои.

Сделал несколько замечаний Александеру. Ему до возраста возмужания оставалось чуть более пяти лет. Слишком

мало, чтобы научить всему, что должен уметь воин нашего мира, но я не собирался отступать. В нем чувствовались неплохие задатки, что значительно лучше, чем вообще ничего.

Талина реагировала на мое вмешательство спокойно, заслужив легкую ухмылку от сына. Это добавило мне уверенности. Будущий княжич Арлаков оказался способен не только воспринимать уроки с достоинством, соответствующим его положению в клане, но и улавливать скрытый смысл происходящего. А то, что дал увидеть свое отношение... — он так же, как и его сестра, определял, какое место я займу в его жизни.

Так что обед, несмотря на некоторые мои опасения, удался. Да и Талина к его окончанию выглядела скорее удовлетворенной результатом, чем раздосадованной.

Будь я самонадеянным, мог бы посчитать это нашим первым шагом навстречу друг другу. Не посчитал. Она заботилась о комфорте детей, мои же чувства ее мало интересовали.

Впрочем, будь иначе, я бы скорее всего счел это еще одним оскорблением.

Встреча с комендантом крепости и управляющими оказалась менее приятной.

Практически полностью разрушены казармы, конюшни, мастерские и кузны, нет провианта. Работных и мастеровых не хватает, воинов тоже.

Большинство жителей нижней крепости покинули Самар'Ин, когда объединенные отряды, выполняя волю совета, пытались добраться до лери Кассире. Им еще повезло, преданные Кругу воины открыли малые ворота, дав им возможность уйти.

К сожалению, это было далеко не всё.

Лето подходило к середине, поля вытоптаны, близлежащие деревни разграблены. Совет не счел нужным прислушаться к моему мнению, решив сначала поиграть в дипломатию. Вместо того чтобы напасть неожиданно, не дав опомниться опальной нимере, пытались ее увещевать.

Что из этого получилось, можно было наблюдать с обзорной площадки дозорной башни. Удручающее зрелище.

На этот раз я ошибся со своими предположениями. Талина хмурилась, слушая ответы на свои уточняющие вопросы, но присутствия духа не теряла.